

Двадцать второго числа последнего месяца уходящего года праздновали первый месяц со дня рождения дочери Чжан Фуяна. Вечером Ли Шэнъань, Ян Сяотянь и Лю Хао собрались у него дома, чтобы отпраздновать это радостное событие.

Шэнъань купил для малышки изящный нефритовый кулон и бережно надел ей на шею. Он искренне желал, чтобы девочка росла такой же чистой, здоровой и счастливой, как этот благородный камень. Его собственный кулон — единственная память о покойной матери — тоже был выточен из нефрита. И пусть за долгие годы этот оберег так и не принес ему особого счастья, Шэнъань по-прежнему верил: нет в мире ничего чище и безупречнее нефрита. Имя для новорожденной выбирали сообща. Назвали Чжан Мужань. Девчушка смешно приоткрыла ротик и весело заагукала, словно одобряя их выбор.

Глядя на уютное семейное счастье Фуяна, друзья невольно притихли, каждый задумался о своем очаге. Ян Сяотянь, самый старший в их компании — ему уже перевалило за тридцать, — до сих пор оставался бобылем. С его магистерским дипломом все вокруг считали его чересчур разборчивым женихом. Сам Сяотянь лишь отмахивался, утверждая, что карьера для него сейчас превыше всего и отвлекаться на глупости некогда. Однако Шэнъань прекрасно понимал, как нелегко приходится другу: родители извелись и при каждой встрече капали на мозги. В эти праздники Сяотянь твердо решил съездить домой, побыть с родными и хоть немного успокоить стариков.

Лю Хао был среди них самым юным — едва перешагнул за двадцать. Став помощником Шэнъаня, он мгновенно растерял напускную суровость, обнажив чисто мальчишескую натуру: для него любые заботы казались делом далекого будущего, спешить было решительно некуда. Шэнъань переживал за него сильнее всего. Мальчишка вырос в этой глуши, натерпелся в детстве горя, и когда он наконец возьмется за ум — бог весть. Тем не менее Шэнъань любил Лю Хао как младшего брата. С ним на душе всегда становилось легче, хоть этот сорванец и не давал расслабиться ни на минуту.

О собственном будущем Шэнъань думал с глухой тоской. Образ Юньи прочно засел в мыслях, вытравить его было невозможно. Начинать новые отношения не хотелось, да и страшно было снова открывать душу. Но ведь жениться все равно придется... Какой она будет, его будущая жена? Думать об этом не хотелось. Не будь отцовских надежд и груза ответственности, Шэнъань с радостью остался бы один до конца дней. Со стороны казалось, что у него есть абсолютно все для счастья, но в груди всё давно выгорело дотла.

Через три-четыре дня работа в цехах должна была полностью остановиться — рабочие давно купили билеты на поезда, спеша разъехаться по родным провинциям к празднику. Вот только самому Шэнъаню уехать не светило. Предстояло сводить баланс, закрывать счета и верстать планы на будущий год. Душа рвалась домой, но даже эта тихая, размеренная жизнь не оставляла шансов провести праздники с семьей. За два года его скромная фирма не принесла золотых гор и не снискала громких успехов, однако выжимала все соки, забирая каждую свободную минуту.

Отец звонил на днях, уверял, что дома все в порядке и здоровье его не подводит. Одно плохо: сразу после Нового года их старый дом, где семья прожила не один десяток лет, пойдет под снос. Родную деревню окончательно признали зоной перспективной застройки. Земли вместе с

крестьянскими наделами продали застройщикам под промышленные нужды. Лишившись пашни, вчерашние крестьяне в одночасье сделались городскими жителями — кто-то ликовал, предвкушая компенсации, кто-то горько вздыхал по утерянному укладу. Шэнъань перевел отцу двести тысяч юаней на строительство нового жилья. Старик растрогался едва не до слез, а у сына на душе все равно скребли кошки. Он чувствовал себя виноватым за то, что помогает так мало, так ничтожно мало.

Застолье затянулось, алкоголь развязал языки, и под конец разговор неизбежно свернул на Лу Чжаньбая. Друзей так и подмывало разузнать побольше о таинственном и явно непростом приятеле, который из ниоткуда возник в жизни Шэнъаня. Они наперебой расспрашивали его, кто такой этот Лу-шао и откуда взялся. Шэнъань лишь отмалчивался, не зная, как преподнести парням столь сложную фигуру. Эх, если бы Чжаньбай действительно был просто другом... Пусть тот и продолжал ежедневно наведываться на фабрику под предлогом дружеского участия и даже на словах согласился не торопить события, Шэнъань не питал иллюзий. Лу Чжаньбай не из тех, кто легко отступает. Он просто выжидает время, надеясь измором взять его крепость. Шэнъань сознательно не пригласил его сегодня, чем навлек на себя искреннее недовольство Лю Хао. Но если бы Чжаньбай сидел за этим столом, Шэнъань не смог бы расслабиться ни на миг.

Ян Сяотянь, похоже, давно обо всем догадывался. Он то и дело бросал на Шэнъаня пронизательные взгляды и заводил осторожные, обтекаемые разговоры, прощупывая почву. Шэнъань понимал: Сяотянь куда искушеннее остальных в подобных тонкостях, но в его вопросах сквозило исключительно искреннее беспокойство. Шэнъань и сам толком не знал, что делать. Если говорить о любви, то он не испытывал к Чжаньбаю никакого романтического влечения. Однако его терпение по отношению к этому человеку переходило все разумные границы. Даже после того, как Чжаньбай грязно, силой овладел им, в душе не осталось глухой ненависти. Возможно, где-то в глубине Шэнъань просто завидовал его недостижимому положению, его влиятельной семье. Эта зависть порождала горькое бессилие: сколько ни бейся, мир не переделать. А может, в сознании и впрямь на мгновение вспыхнула шальная мысль, оброненная Мэриан? Сделать еще одну ставку? Сыграть по-крупному, но сохранить свое сердце в неприкосновенности?

\*\*\*

На следующий день Шэнъань встретился с Чжан Дэпином за обедом в ресторане Сияющего пейзажа. Обсудили текущие заказы и поставки комплектующих. Директор Чжан так и расплывался в улыбке: детали отличные, в готовых изделиях ведут себя безупречно. Он даже в шутку поинтересовался, у какого конкурента Шэнъань переманил такого толкового инженера. У Шэнъаня едва с языка не сорвалось имя Ян Сяотяня. Ему давно казалось несправедливым, что талант Сяотяня пропадает в их захолустной конторе, но в последний момент он прикусил язык. Лишись он сейчас Сяотяня — и бизнесу конец. С другой стороны, Шэнъань трезво смотрел на вещи: их крошечной фирме, сколько ни бейся, никогда не выйти на серьезный уровень. Так, семейный подряд, позволяющий едва-едва сводить концы с концами.

Напоследок директор Чжан обмолвился, что Лу Чжаньбай уже распорядился выделить Шэнъаню на будущий год куда более крупные объемы. Чжан хитро подмигнул, заметив, что Шэнъань вытянул счастливый билет и обеспечил себе безбедную жизнь под крылом у влиятельного наследника. От этих слов внутри все сжалось от омерзения. Липкий,

заговорщицкий взгляд Чжан Дэпина прямо говорил: старик уверен, что Шэнъань уже греет постель Лу-шао. От этого все его собственные бессонные ночи, упорный труд и попытки чего-то добиться казались жалкими и никчемными. Будто весь его удел — просто удачно пристроить тело под надежный бок.

Вспомнили и про младшего брата Чжан Дэпина — того самого сорвиголову, которого Шэнъань когда-то буквально вытащил с того света, отбив у уличных бандитов с ножами. Чжан упомянул, что брат собирается приехать в Шэньчжэнь на праздники и спит и видит, как бы угостить своего спасителя хорошим ужином. Шэнъань не стал отказываться и вежливо кивнул в знак согласия.

Когда они вышли из ресторана, не было еще и двух часов дня. Наскоро попрощавшись, директор Чжан умчался по делам. На противоположной стороне улицы уходила в небо величественная 52-этажная башня корпорации «Динсинь». В ярких лучах полуденного солнца ее стеклянный фасад сиял ослепительным золотом, олицетворяя безраздельное могущество и триумф богатства.

Шэнъань задержался на парковке, задумчиво разглядывая парадный вход небоскреба. Вдруг стеклянные двери разъехались, и на гранитные ступени ступила удивительно знакомая женская фигура. Спадающие на плечи смоляные волосы, элегантный бежевый тренч, подчеркивающий безупречную стройность и высокий рост, и это лицо — юное, без капли косметики, со светлой, почти ангельской улыбкой. Лу Чжаньлань.

Чжаньлань тоже заметила его. С их внешностью затеряться в толпе было в принципе невыполнимой задачей. Девушка мгновенно просияла от неподдельного восторга, и она, совсем по-детски подпрыгнув на месте, замахала ему рукой.

Шэнъань тепло улыбнулся в ответ. Девушка почти подбежала к нему, и ее звонкий, как серебряный колокольчик, голос зазвучал над парковкой:

— Шэнъань! Какая встреча! Поверить не могу, что столкнулась с тобой здесь! — воскликнула она, так и светясь от счастья. В ее прекрасных глазах заплясали веселые искорки.

— Сам не ожидал, — с мягкой улыбкой отозвался он. — Только что закончил переговоры с клиентом. Не думал встретить тебя в деловом квартале.

Чжаньлань не спешила отвечать. Она принялась беззастенчиво рассматривать Шэнъаня, скользя по нему восторженным взглядом, и лишь спустя минуту весело прыснула:

— А ты еще сильнее похорошел! Прямо глаза слепит. Знаешь, после нашей первой встречи мне вообще казалось, что ты какой-то призрак или небожитель: сошел откуда-то сверху, помог мне и растаял в воздухе. Но теперь-то я вижу — ты из плоти и крови. И определенно самый красивый мужчина на этой планете!

— Скажешь тоже, у тебя язык прямо как медом смазан, — рассмеялся Шэнъань. — Это ты у нас настоящая лесная нимфа. Я сам на секунду дар речи потерял, когда ты из дверей вышла.

— Правда? — Чжаньлань кокетливо захлопала ресницами, заглядывая ему в лицо. — Дождаться от тебя комплимента — это же подвиг совершить надо! Помню, при первой встрече ты похвалил только мое пальто. Я тогда, между прочим, жутко разозлилась!

Шэнъань негромко рассмеялся. Они не виделись прилично, и Чжаньлань явно пришла в себя, вновь превратившись в прежнюю жизнерадостную кокетку. Не верилось, что эта беззаботная улыбчивая девушка и та заплаканная, убитая горем бедняжка, которую он утешал глухой ночью — один и тот же человек. В минуты печали Чжаньлань походила на воду, способную растопить любое сердце, а когда радовалась — на теплый летний ветер, уносящий прочь любые невзгоды. Да и та безумная, нелепая ночь теперь казалась лишь полузабытым сном, растаявшим без следа.

— Ну так что, ты совсем освободился? — с надеждой спросила она.

— Только что закончил. А у тебя как с планами? Сильно занята?

— Отец сейчас за границей, так что мне пришлось отдуваться за него на совете директоров, — со вздохом, но весело призналась Чжаньлань. — Собрание только-только закрыли. В эти дни голова кругом идет, замучилась мотаться по филиалам.

— Вот как? Растешь над собой. Скоро станешь настоящей бизнес-леди, — поддразнил ее Шэнъань.

— Да какая из меня акула бизнеса? — Чжаньлань шутливо надула губки. — Упаси боже! Это же адский труд. Пообедать некогда, за последнюю неделю я, кажется, постарела лет на пять. Сидишь на этих совещаниях с каменным лицом, споришь о цифрах... Меня там скоро в мегеры запишут!

— Ну, это ты явно преувеличиваешь, — рассмеялся Шэнъань. В этот момент он заметил стоявших поодаль четверых дюжих молодцов, которые пристально наблюдали за ними. — Кажется, твоя свита заждалась.

— Ты что, опять меня выпроваживаешь? — обиженно протянула Чжаньлань. — У меня только-только настроение поднялось! Все дела на сегодня закончены, я имею право на законный отдых. У тебя ведь нет срочной работы на вторую половину дня? Ты просто обязан сводить меня куда-нибудь перекусить!

— Ну... — Шэнъань замялся. Вообще-то он собирался вернуться в офис, но никаких срочных дел там не намечалось. А умоляющий взгляд девушки не оставлял шансов на отступление. — Ладно, уговорила. Куда поедем? Но предупреждаю сразу: я только что из-за стола. Так что если заставишь заказывать банкет, я буду просто сидеть напротив и пускать слюнки.

— Разберемся на месте, прыгай в машину! — весело скомандовала она, указывая на его автомобиль.

— Поедем на моей? — с некоторым сомнением переспросил Шэнъань.

— Именно.

— А как же твои ребята?

— Пусть плетутся сзади.

— Ты уверена, что это хорошая мысль?

— Да не раздумывай ты! Если они почуют неладное, куда меня не отпустят. Быстрее!

Не дожидаясь ответа, Чжаньлань порхнула на пассажирское сиденье.

Шэнъань краем глаза заметил, как занервничали телохранители и быстрым шагом направились к ним. Решать нужно было секунды. Он скользнул за руль, завел мотор и, резко вывернув руль, рванул с парковки прямо в плотный поток машин на проспекте.

Опешившая охрана бросилась назад к своему внедорожнику, намереваясь перехватить беглецов.

<http://bllate.org/book/18227/1758502>